

КОНЕЧНО, это не означает, что в театре следует говорить только стихами. В театре можно ставить произведения самые прозаические, самые бытовые. И при всем при том он, театр, обязан быть поэтом. А это значит: раскрывать мир в ярких образах, выделенных из повседневности и приближенных к зрителю.

Несколько лет назад белорусские колхозники обратились к деятелям литературы и искусства с письмом. Покажите, как надо жить, просили они. Фраза эта запала мне в душу. Да, искусство призвано воспитывать, зритель ждет встречи с героем значительным, богатым духовно, с героем интересным, чья жизнь поучительна и увлекательна.

И за героем спектакля должна раскрыться во всей полноте, яркости, красоте поэзия нашей жизни.

«Для чего существует театр вообще?» — этот вопрос задал когда-то Вл. И. Немирович-Данченко. И вот как он ответил: «Значительный и важный театр должен говорить о значительном и важном...» Да, о значительном и важном! Во имя этого и живет сегодня наш советский театр.

И все-таки далеко не всегда мы, работники театра, следуем этому завету. Не всегда спектакли наши отличаются страстной взволнованностью мысли, публицистический темперамент, глубокое и точное постижение проблем современности. Не всегда умеем мы искусством нашим «жесть сердца людей».

Думая о сегодняшнем театре с позиции тех боевых задач, которые диктуют нам время, нельзя не посетовать на то, что недостаточно у нас еще спектаклей, герои которых были бы достойны своих современников.

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ — ПОЭЗИЯ ИСКУССТВА

Л. ВИВЬЕН,
народный артист СССР

Наша жизнь не терпит равнодушия. И утверждать новое мы должны не вопсилью, а со всей доступной советскому художнику гражданской страстью и убежденностью. В театре, кроме сложного понятия «образа спектакля», образа синтетического, созданного волей многих художественных устремлений, важнейшее — образная система характеров. А характер создает в конечном счете актер — властитель восторгов и дум зрителя.

Наша приверженность артисту выражается иной раз наивно. Скажем, актер становится образцом поведения или даже манеры одеваться, причисляться. Но это быстро текущая и капризная мода. Я говорю о более серьезном и сложном.

Моды проходят, временные кумиры забываются. Подлинным же властителем дум зрительного зала всегда будет актер с широким гражданским кругозором, актер большой нравственной темы. Актер, которому есть что сказать зрителю. А ведь это не так просто: для этого надо обладать мудрым и справедливым пониманием конкретных жизненных явлений.

Я с гордостью могу сказать, что у нас много таких исполнителей. Недаром, скажем, за последние годы так ярко проявился интерес зрителей к артисту Николаю Симонову. В театр ходят «на Симонова» так же, как ходили и ходят «на Черкасова». Никакой загадки в этом нет. Симонов с особой остротой решает на сцене всегда волнующую тему разбуженной человеческой совести, тему личной ответственности человека за происходящее с ним и вокруг него.

А как любят ленинградцы Юрия Толубеева, чья теплая, иногда несколько ироничная человечность освещает внутренним светом не только «главные» роли — Вилли Ломена («Смерть коммивояжера») и Литвинова («На дилом брегел»), но такую, казалось бы, неблагодарную роль, как роль картузника Бубнова в спектакле «На дне».

Большие артисты всегда несут на сцену высокое утверждение жизни правдивой и чистой. Но если то, что мы называем «внутренней темой» актера, не совпадает с драматургическим материалом роли либо даже противоречит ему? Если на исполнителя ложится обязанность играть роль, казалось бы, противоположную его творческим данным, его гражданским устремлениям? Для меня внутренняя тема актера — его поэтическая художественная сущность, его лицо гражданина. Актер, умеющий нести такую тему, — всегда творец.

Вспомните, как играет картузника Бубнова Толубеев. Казалось бы, где уж тут светлые человеческие озарения! И тем не менее сколько в его Бубнове уважения к человеку, сколько презрения к лжи, которая уродует человеческое, сколько детской, чистой радости в его медвежьем танце с бубликами. Вы следите за артистом и уже любите те погнбшие возможности, которые были заложены в этом человеке, которые, может быть, еще есть у него...

Это и есть та поэзия образа, о которой я говорю.

Впрочем, мы теперь слишком часто, пожалуй, слишком легко употребляем слово «образ». «Артист удачно создал образ такого-то или такой-то» — читаешь буквально в каждой рецензии. Критики обращаются с этим словом свободно и, мне кажется, бездумно. Между тем, если артист действительно создал образ, — это событие. И его надо отмечать особо.

Алексей Дмитриевич Попов сказал мне как-то с горечью: «Мне кажется, нашему театру все больше и больше угрожает безобразие». Я с ним согласился тогда. Увы, проблема эта продолжает волновать нас, работников театра, и сегодня.

Стремясь, как говорят, создавать искусство «в формах самой жизни», мы забываем порой, что создавать-то надо все-таки искусство. На профессиональном языке мы говорим: актеру надо в роли «идти от себя», и забываем добавить главное — что идти-то надо к образу.

Попытки актера только идти «от себя» приводят к появлению на сценической площадке серых, невыразительных фигур, сходных друг с другом. Фигуры эти о чем-то громко или тихо говорят, а я сижу в зрительном зале и не вижу ничего, и ничего не слышу. А вместе со мною не видит и не слышит зритель. То есть, конечно, что-то он и видит, и слышит. Но то, что он видит и слышит, не останавливает, не может остановить его внимание.

Хочу быть правильно понятым: я вовсе не против того, чтобы на сцене говорили шепотом. Важно, как актер доносит до зрителя мысль. Если он умеет это сделать, то и шепоток его услышат во всех концах зала.

Я всегда вспоминаю Е. Корчагину-Александровскую. Вот уж, кажется, тяжелая судьба актрисы — всю жизнь играла либо матерей, либо злых и лицемерных старух. Но какое разнообразие! Каждая роль — образ.

В актерском фойе нашего театра была открыта небольшая выставка, посвященная памяти Веры Федоровны Комиссаржевской. Там было пятьдесят две ее фотографии в роли Розы из пьесы Зудермана «Бой бабочек». Не бог весть какая пьеса и не бог весть какая роль. Но... пятьдесят две фотографии! И под каждой можно подписать точную реплику. Пятьдесят два раза зафиксировано различное душевное состояние героини!

Я мечтаю сейчас увидеть пятьдесят две разные фотографии молодой актрисы даже в роли Катерины из «Грозы». Мечтаю!

Образ — мечта и цель актера, образ — поэзия театра. Конечно, первопричиной «безобразия» является слабость нашей драматургии. Я, к сожалению, не могу извинить ее от этого тяжелого и уже ставшего тривиальным упрека. Я только хочу сказать, что, обвиняя драматургов, мы сами успокоились и забыли собственную большую обязанность — развивать и культивировать поэзию театра. Мы — это, конечно, режиссеры, но мы и — это главное — актеры.

Актер ведь не глина в наших руках, актер — самостоятельный творец, поэт жизненной правды, воспитатель гражданских чувств.

Только ощущая свою ответственность за все происходящее вокруг, проникнув в суть этих явлений, решая самые важные и крупные жизненные проблемы, могут существовать искусство, театр. Только тогда придут к нам на сцену герои, которые станут для нашей молодежи, для всех нас примером, достойным подражания.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА

17 АВГ 1965